

Е. Н. КУШЕВА

ЭПИЗОД КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ СОЛДАТ, КРЕСТЬЯН И ХОЛОПОВ НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII вв.

Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. привлекают особое внимание советских историков, им посвящаются многочисленные труды и публикации. Но и отдельные вспышки, и та повседневная борьба, которая велась в различных формах в промежутки между открытыми выступлениями народных масс, являются темой исследований и справедливо рассматриваются как необходимое звено в углубленном изучении ряда вопросов классовой борьбы на Руси в период феодализма.¹ Настоящая заметка имеет целью привлечь внимание исследователей к материалам, которые до сих пор не использовались для освещения названной темы, — к архивному фонду так называемого Генерального двора, учреждения конца XVII—первых десятилетий XVIII в., делопроизводство которого сохранилось в ЦГДА в Москве в составе обширного фонда Поместного приказа.²

Начиная с последних лет XVII в. правительство Петра I проводит ряд мероприятий по реорганизации армии и по подготовке ее к войне с Швецией. В 1699 г. на Генеральном дворе в с. Преображенском под Москвою была создана комиссия боярина Ф. А. Головина для набора в полки даточных из вла-

¹ А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX в.). Вопр. истории, 1957, № 12; И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966.

² А. А. Востоков. О делах Генерального двора. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. кн. 5, М., 1888; Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель, т. II. М., 1947, стр. 14; Е. Н. Кушева. Сказки Генерального двора как источник по истории городов Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. В сб.: Города феодальной России, М., 1966, стр. 417 и сл.

дельческих крестьян, а также для вербовки солдат из вольницы.³ Результаты деятельности комиссии вполне оправдали расчет на набор в полки «вольных людей»: из 22 500 человек, записанных комиссией Головина в солдаты в 1700—1702 гг., более половины составляла вольница.⁴ Однако набор «вольных людей» вызвал и ряд осложнений, которых правительство не предусмотрело и которые были следствием общих социальных условий — оформления крепостного права и усиления крепостного гнета.

Основная часть записавшихся в солдаты из вольницы — более 10 000 — была завербована в «низовых городах» (к югу, юго-востоку и юго-западу от Нижнего Новгорода), куда в ноябре 1699 г. был послан подполковник Преображенского полка кн. Н. И. Репнин с 10 стольниками. Данные Репнину наказ и статьи предписывали «с пашни тяглых крестьян отнюдь не имать», но не запрещали записки в солдаты дворовых, которые ушли от помещиков «не бегом и ничего не покравши».⁵ Точное выполнение этих предписаний в районе вербовки оказалось для Репнина невозможным: именно в «низовые» места и особенно на Волгу шел все усиливавшийся в течение второй половины XVII в. поток беглых крестьян и холопов, который не могли приостановить суровые запретительные меры. Возможность записаться в солдаты, получить жалованье, легализировать положение «вольного человека», обеспечить свободу семьям (жены и несовершеннолетние дети записавшихся в солдаты становились свободными) привлекала беглых крестьян, которые при вербовке называли себя дворовыми или нетяглыми крестьянскими сыновьями. Уже в первые месяцы набора к Репнину и к посланным с ним стольникам стали поступать десятки челобитий помещиков о возвращении записавшихся в солдаты беглых крестьян; просили и о возвращении холопов, ссылаясь на учиненные ими покражи, — в ответ нередко давались разъяснения, опровергавшие кражу. С другой стороны, солдаты подавали челобитные на помещиков, не отпускавших на свободу их жен.⁶ Прямолинейное решение вопроса осложнялось для правительства в тех случаях, когда солдаты, указанные помещиками как беглые, уже получали солдатское жалованье и прошли известный срок обучения. Строгие предписания отдавать беглых крестьян, после наказания кнутом, их помещикам повторялись: однако «статьи» Н. И. Репнину, посланные с Генерального двора 5 июля 1700 г.,

³ ПСЗ, т. IV, № 1820.

⁴ Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954, стр. 347.

⁵ А. А. Востоков. О делах Генерального двора, стр. 11, 13, 27—41; ЦГАДА, ф. 1209 (Поместного приказа), столбцы Вотчинной записки. № 18670, ч. 1, л. 108.

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, столбцы Вотчинной записки (особенно много челобитных в столбцах 18661, 18667).

шли на компромисс, запрещая выдачу «на старые жеребьи» крестьян подмосковных и монастырских вотчин.⁷

Положение в районах массовой вербовки вольницы становилось напряженным и вызывало конфликты. Один из них возник в середине 1700 г. в г. Курмыше.

В числе посланных с Репниным стольников был Кирилл Панкратьев сын Пуцин, которому был поручен набор солдат в Курмыше и в Ядрине.⁸ К июлю 1700 г. набранные им солдаты — около 400 человек — были сосредоточены в Курмыше, размещены там по «постоялым дворам», т. е. по дворам жителей, получили оружие — фузеи — и проходили учение солдатскому строю под начальством сержанта Ивана Захарова; часть из них получила и жалованье.

Однако солдаты, среди которых были беглые, не могли быть спокойны за свое будущее: челобитные от помещиков поступали к Пуцину, и он удовлетворял их. 8 июля еще двое солдат были взяты Пуциным для выдачи помещикам. Это и послужило толчком к «возмущению» солдат. Пуцин, видимо, растерялся. 15 июля он послал два частных письма — одно Ф. А. Головину, другое кн. Н. И. Репнину. Называя себя «неотступным рабом до умертвия живота» и «вскормленником» адресатов, Пуцин писал о «возмущении в Курмыше новоприборных солдат» и в униженной форме умолял оборонить его «от тех воров и возмутителей», чтобы ему «от них убиту не быть». 26 июля на Генеральный двор были поданы отписка Пуцина и две отписки курмышского воеводы Мишки Коровина с изложением событий и приложением ряда документов. 31 июля Пуцин сам подал в Москве еще одну отписку, дополняя прежние сообщения. 2 августа на Генеральном дворе состоялся именной указ — Кириле Пуцину с солдатами быть к Москве «без мотчанья», вести солдат «с великим

⁷ Там же, столбец 18670, ч. 1, л. 108.

⁸ К. П. Пуцин, из тульских дворян, начал службу еще в середине XVII в. — первое известие о нем относится к 1655 г. При царе Алексее Михайловиче он выполнял ряд военных и дипломатических поручений, в 1678 г. был пожалован в стольники, в 70—80-е годы занимал ответственные посты воеводы в Царицыне и в Самаре и товарища воеводы в Астрахани, бывал и при дворе. Следовательно, к концу XVII в. К. П. Пуцин был уже пожилым человеком. Документы вотчинного архива Пуциных отражают его постоянные заботы о приумножении земельных владений и числа крепостных, о сыске беглых. Брат К. П. Пуцина, Василий, участвовал в подавлении движения в Поволжье в годы Крестьянской войны под предводительством Степана Разина; сын, Кирилл Кириллович, известный Петру I, в 1703 г. находился в плену в Швеции. — См.: Русский биографический словарь, т. Притвиц—Рейс. СПб., 1910; Е. Щепкина. Тульский уезд в XVII в. М., 1892 (по указателю); В. Д. Корсакова. Опись документов, относящихся до рода Пуциных. Описи дел Рязанского исторического архива, вып. II, Рязань, 1889; ЦГАДА, ф. 1209, № 18671, лл. 23, 139; В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник, т. II. СПб., 1886, стр. 316—317; Кр. война, т. II, ч. 1 и 2 (по указателю).

опасеншем», а «заводчиков» — «за крепким караулом». В сентябре начался на Генеральном дворе розыск по этому делу. К нему были привлечены 23 солдата, десять из них пытаны, все признаны виновными. Допросы, очные ставки, розыск под пыткой были проведены в течение сентября, приговор вынесен 26 сентября.

О том, насколько серьезно были приняты на Генеральном дворе уже первые сообщения о событиях на Курмыше, свидетельствует указ от 2 августа, предписывавший «в низовые города к стольникам, которые посланы для прибору солдат, послать его великого государя грамоты, с сего числа в солдаты приборять и записывать не велеть, оных же того, которых доведется приять на убылые места, и к генералу ко князю Шикте Ивановичу Репшину послать память».

Сохранившиеся материалы дела позволяют восстановить ход событий с достаточной полнотой.⁹

Собранные в Курмыше новоприборные солдаты волновались еще до открытого выступления. По «росписи», писанной позже в застенке солдатом Федькой Самыгиным, до 8 июля Пущин rozdal помещикам 21 человека из солдат «жалованных и нежалованных» (т. е. среди них были и получившие солдатское жалование).¹⁰ Шли толки о том, что Пущин берет «посулы». 7 июля дворяне цивилиции Анофрей Филиппов сын Василисов и атемарец Федор Остафьев сын Аникиев подали Пущину на съезде дворе челобитную о двух беглых крестьянах, положив на них крепости. На другой день, когда солдаты учились на городской площади «солдатскому строю», Пущин подошел к ним и велел караульным солдатам взять и отвести на съезжий двор двух указанных помещиками солдат, назвавшихся у записки дворовыми. Кончив учение, солдаты строем подошли к съезжему двору, откуда их обычно распускали по дворам. Здесь строй смешался, поднялся шум и крики, что Пущин «их братью из солдат отдаст помещикам». Показание одного из солдат выделяет в этой сцене роль солдата Максимки Панова, который говорил: «станем де, братцы, заодно, для того, что де он, Кирила, и всех нас отдаст, а мы де все люди боярские». Между тем Алешка Никитин, ста-

⁹ Основные документы розыскного дела сосредоточены в ЦГАДА в столбце 18666/1348 указанного фонда; столбец дефектен, листы (разметка их временная) сильно перебиты; в дальнейшем ссылки на листы дела не приводятся. Отдельные документы, относящиеся к тому же розыску, находятся в столбцах 18670/1353, ч. 1, лл. 313—316, и 18671/1355, лл. 241, 243—246. На эти три столбца, как содержащие сведения о бунте новоприборных солдат в г. Курмыше, сослался А. А. Востоков (О делах Генерального двора, стр. 29).

¹⁰ В «росписи» названы по именам и фамилиям 10 помещиков, в некоторых случаях по именам же и отчествам названы и выданные им солдаты. Одному из помещиков — Василию Михайлову сыну Мясоедову — было выдано, по данным «росписи», 10 человек (столбец 18666/1348, л. 34).

роста с. Егорьевского нижегородской вотчины стольника Василия Никифорова сына Толстова в поданной около 15 июля челобитной назвал Панова крестьянином этого села.

Солдаты «приступали» с криком к съезжему двору, пытаюсь войти, но сержанту Захару Иванову удалось запереть ворота.

В тот же день Пушин послал караульного солдата к дворянину Аникиеву, приглашая его на съезжий двор. На улице Аникиева обступили солдаты, человек с 50, взяли его «в круг», угрожали («разорвем мы де тебя») и упрекали в том, что он у Пушина солдат выкупает (т. е. намекали на взятку). С помощью караульного солдата Аникиеву удалось уйти на съезжий двор. Там он тотчас подал челобитную, выделяя как зачинщиков солдат Ивана Мануйлова и Михаила Усачева, бывших послужильцев, т. е. холопов, дворян Змеева и Жмакина.

Пушин вышел за ворота, бранил солдат, пытался отнять у Панова фузею и бить его, велел взять на съезжий двор Панова, Мануйлова и Усачева, но солдаты не дались и разбежались по дворам.

На другой день, 9 июля, солдаты послали в Москву «с общего совета» четырех челобитчиков — Ивашку Мануйлова, Мишку Усачева, Степку Иванова и Тишку Сергеева — бить челом великому государю на Кирилла Пушина и сержанта Ивана Захарова. О письменной челобитной речи не было. Судя по показаниям, данным при допросах, челобитчики должны были жаловаться на то, что «он, Кирилла, их братью из солдат отдаст без указа великого государя прежним помещикам, и сержант де с людьми ево Кириловыми без них солдат, как они бывают в ученье, жен их берут на съезжий двор и держат за караулом неведомо за что». Пушин послал в погоню солдата Степку Гурова, на которого, видимо, надеялся и который и позже выступил предателем общего дела. Гуров настиг бежавших в селе Троицком Нижегородского уезда, трое были пойманы, четвертый явился сам. Около 14 июля все четверо были посажены «за караул» курмышским воеводой Коровиным.

Между тем волнение среди солдат усиливалось: они не слушались сержанта во время учения, и тот писал в челобитной, что учить их «не смеет». Панов с товарищами ночью ездили в деревню Грязновку и в село Егорьевское, откуда он был родом, ограбили старосту Алешку Никитина и еще четырех крестьян, взяли лошадей, принасы и вещи. Староста подал об этом Пушину челобитную.

Особенно бурные события разыгрались 15 июля.

Солдаты собрались на торговой площади. Один из них, Сенька Дементьев («бывал он прежде сего на Курмыше в съезжей избе в подъячих, посадского человека сын»), встал «на полок», махал шапкой и обратился к солдатам и к бывшим на площади «мирским людям» (день был торговый). Он говорил о том, что

Пушкин «отдает их братью жалованных солдат ирским помещикам напрасно», «без государева указа», и спрашивал, «любю» ли им, солдатам, «итти к Москве бить челом на Кирила Пушкина великому государю». Все показания говорят о единодушном решении: «иттять готовы и бить челом рады». По показаниям самого Сеньки (он дал его под пыткой) и еще нескольких солдат, все солдаты кричали «любю». Этот возглас, обычный для казачьего круга и отраженный в документах времени Разина,¹¹ привлек на допросах особое внимание и расценивался как тяжкое преступление.

По-видимому, тогда же на площади солдаты «с общего совета» приняли решение послать 10 челобитчиков в Москву и выбрали этих 10 человек. Сенька Дементьев, конечно, был в их числе.

В тот же день учение солдат проходило «в поле», за городом. Пушкин приехал к ним, говорил, «для чего бунтуют и на него хотят бить челом», и требовал выдать для отвода на съезжий двор Панова, Дементьева и еще двух солдат. Товарищи их не дали: Пушкин схватил было Дементьева за ворот, но Федька Донец его отбил; вырвался из рук Пушкина и солдат Васька Чеботарев. Пушкин решил прибегнуть к демагогическому приему. Выстроив солдат, он сказал им: «кто хочет великому государю служить верно, те б шли направо, а кто не хочет, и те б шли налево».

Показания о том, что происходило в эти драматические минуты, расходятся. Солдаты понимали серьезность случившегося и старались уклониться от прямых ответов. Наиболее вероятной представляется следующая картина.

Почти все солдаты остались стоять строем на месте. Немногие отошли направо — по одним показаниям, человек 10, по другим — 20 или больше; среди четырех названных Пушкиным по имени был и Степан Гуров. Из строя отошедшим закричали, чтобы они повернулись назад, и называли их «переметчиками». Все вышедшие вернулись в строй.

Именно в этот день Пушкин и написал свои торопливые жалобные письма Головину и Решнину, не раскрывая, однако, подробностей солдатского «возмущения». Степан Гуров и Мирошка Кузьмин поспешили подать воеводе челобитную о том, что они «к бунтовщикам не пристают и к их челобитью рук не дают».¹²

¹¹ Кр. война, т. I, стр. 162; Б. В. Лукин и Степан Разин. Ростов, 1960, стр. 29; Крестьянские войны России в XVII—XVIII вв., стр. 121.

¹² Правда, 17 июля Гуров подал вторую челобитную, где отказывался от первой, как писанной по повеле. Он сообщал, что Пушкин напоил его пьяным и сулил ему и другим 16 солдатам 15 руб., чтобы они «к солдатской челобитной рук не дали и бунтовщиками б их назвали». При допросах в Москве Гуров сослался на то, что вторую челобитную его заставили написать солдаты — заводчики возмущения. Оговоренные им лица не под-

В ближайшие за 15 июля дни обе стороны готовились к дальнейшим действиям. 10 выбранных солдатами челобитчиков побежали к Москве 18 июля, отбив лошадь из курмышского конского табуна (другие кони, видимо, были добыты еще почной экспедицией Панова в Егорьевское). Остается неясным, повезли ли они с собой письменную челобитную за руками, о которой упоминали Гуров и Кузьмин. Среди документов дела обнаружить текст челобитной не удалось; нет и известия о том, что она была в Москве подана. При допросах лишь один из привлеченных к розыску солдат, Тимошка Ерыполов, сказал, что челобитная была написана «с общего совета». На это показание не обратили внимания, и оно не дало повода к дальнейшим расспросам.

18 числа послали наконец на Генеральный двор свои отписки Пуцци и курмышский воевода Коровин, приложив к ним сказки и челобитные. Получение отписок в Москве 26 июля и проезд самого Пуццина в Москву 31 июля и вызвали указ от 2 августа с распоряжением Пуццину привести солдат к Москве. Точная дата их прихода или приезда (на подводах) неизвестна, как и дата появления в Москве челобитчиков. Очевидно, они были тотчас посажены за караул, и выполнить поручение товарищей им не удалось.

К розыску, производившемуся на Генеральном дворе, были привлечены в качестве обвиняемых четыре челобитчика, перехваченные по дороге к Москве, посланные 18 июля десять челобитчиков, а также еще девять солдат, указанные Пуцциным, — всего 23 человека.

Как в разгар волнений в Курмыше, так и при первых допросах в Москве солдаты держались твердо. Видимо, они понимали, какие их действия могут быть расценены как особо преступные; солдаты-челобитчики несомненно заранее договорились о показаниях по ряду вопросов. Так, они единодушно отрицали попытку войти 8 июля на съезжий двор; отрицали угрозы расправой Анкиеву, непослушание сержанту на учениях, отрицали и возглас «любо»; утверждали, что 15 числа все пошло направо и выразили желание верно служить великому государю; подчеркивали, что умысла к бунту у них не было, но не отказывались от решения бить челом на Пуццина великому государю. Очные ставки, показания Гурова и Кузьмина, самого Пуццина и сержанта Захарова, а затем и пытки, которым подвергли 10 человек, повели к признаниям, а в некоторых случаях и к оговору товарищей как заводчиков.

Решением от 26 сентября 1700 г. четверо солдат были приговорены к смертной казни через повешение. Эти четверо были

твердили этого даже под пыткой. Нет сомнения в том, что подача Гуровым второй челобитной была вызвана страхом расправы за предательство.

Максимка Панов, Сенька Дементьев, Федька Донец и Васька Калмык — все, выбранные солдатами в челобитчики. Они были признаны главными зачинщиками; трое из них признались, что кричали «любо»; отягчающим вину действием было признано прямое сопротивление Пущину — Панов не дался ему 8 июля, Федька Донец отбил у него Дементьева 15 июля. Васька Калмык под пыткой показал, что, уходя в Москву, приказывал солдатам ни в чем не слушать Пущина, — вероятно, оговорил себя ложно.

Четверо же — Ивашко Мапуйлов, Петрушка Тарбов, Васька Чеботарев и Федька Самыгин — были приговорены к нещадному наказанию кнутом на козле и к ссылке в Азов «на каторги» с запятанием щек; 15 человек — также к нещадному наказанию кнутом с последующей отсылкой в полк; Степан Гуров и Мирошка Кузьмин подлежали возвращению в полк, конечно, не без наказания. Уже в конце сентября четыре колодника были отправлены на подводах под караулом в Азов.

Ряд показаний солдат о действиях Пущина мог повести к неприятностям для него и для его служебной карьеры, однако столбец розыскного дела не дает на это указаний. В 1703 г. К. П. Пущин числился в отставке.

Выступление новоприборных солдат в Курмыше в 1700 г. представляет большой интерес. Оно поражает смелостью, единодушием, с каким отстаивали интересы своих товарищей — беглых крестьян — несколько сот солдат, прибранных из холопов, крестьян и, надо думать, из мелких посадских людей (о последнем говорит пример Сеньки Дементьева). Лишь двое из них поступили предательски. Привлекают внимание те формы казачьего круга, в которые стихийно вылились волнения солдат. Надо вспомнить, что прошло всего 30 лет с той поры, как Курмыш и Курмышский уезд были полностью охвачены движением в годы Крестьянской войны под предводительством Степана Разина.